

"Мистерия труда и творчества"

Семинар LT030 -

11.06.2020 г.

https://youtu.be/u81UAnMUoSs?si=8SR0jR_tNPMtxRiS

1:26:00

XXXo. Андрей Лоргус:

[Говорящий 1]

Когда начинаем?

[Говорящий 2]

Ссылки вот просто для чистки совести еще раз всем брошу. Запись тоже включим, потому что был неопиcуемый случай. Все работает.

Коллеги, в зуме большая просьба включить звук и включить. Потому что я вижу, что часть людей просто без звука с нами сидит. В общем, если захотите задавать вопросы, включайте звук.

Все. Наконец-то мы поговорим о мистерии, труда и творчества.

[Говорящий 1]

Камеры не будут, я не увижу никого. Мне так обидно. Хочется посмотреть вам глазами.

Я надеюсь, вы постепенно подключитесь к нашему семинару. Мистерия труда и творчества. Почему мы так назвали наш семинар?

Потому что труд и творчество — это не всегда линейный, горизонтальный процесс, который подчиняется некоторым рациональным закономерностям. То есть, это иногда совершение созидания, происходящее как минимум в двух пространствах. В пространстве духа и в пространстве вещи, в пространстве материалов.

Мы представляем себя метафорически, может быть, образно, скульптора, который высекает из мрамора прекрасную фигуру. И есть такая метафора, что скульптору предстоит сколоть из этого большой глыбы все лишнее и останется только то, что прекрасно, удивительно и красиво навека. Но сам замысел и вдохновение скульптора, вдохновение художника, вдохновение автора, оно где-то вот витает над материалом, над металлом, над камнем.

Это откуда-то извне. И, конечно же, рационально можно иметь клевый проект. Вот есть чертеж, вот есть разработка проекта, вот есть поэтапная технологическая карта, в которой все указано.

И все-таки что-то остается за границами любой технологии, любого производства. Что-то остается за границами проговоренного, одобренного проекта со штампами, с подписями там и со всеми. Что-то то, что является не просто сугубо человеческим, а то, что является мистическим.

Да, мистика в труде и в творчестве есть. Ну, особенно это, конечно, в художественном творчестве. В меньшей степени это заметно в ежедневном труде.

Труде, так сказать, таком регулярном, ежедневном, монотонном, может быть, иногда. Его как бы меньше заметно. Но он там тоже есть.

И даже в ежедневном труде земледельца, и труде животновода, тот, кто вскапывает свой огород и сажает редиску или клубнику, у него тоже есть своя определенная духовная сторона и своя мистика. Я бы не стал разделять вообще творчество и труд, потому что любой труд в какой-то степени творчество, а творчество это, конечно же, труд. Это какая-то напряженная работа, которой исполняется необходимое физическое напряжение и физические изменения, перемены.

Обо всем этом уже у нас было два семинара про труд и про работу. В восемнадцатом году, кажется, девятнадцатом году, если я не ошибаюсь. Но сейчас я хочу обратить ваше внимание на вот такие стороны.

Труда и творчество так сложилось в моей жизни, что я избегал. Я избегал монотонного труда по найму. Хотя я отдал ему достаточно серьезную дань, заплатил какой-то свой налог.

Много физически трудился в разных условиях, в разных организациях. У меня была толстая трудовая книжка и даже вкладыш к ней. Книжка была полностью заполнена в свое время, а потом появился в ней и вкладыш.

Ну и до сих пор, кстати говоря, я продолжаю работать. Так вот, я знаю, что это такое. Я знаю, что такое каждый день вставать утром в определенное время для того, чтобы не сделать свое дело, а для того, чтобы успеть прийти на работу.

И один из главных критериев сотрудника такого, который работает по найму, это то, что он вовремя пришел на работу. Его оценивают. Я помню, что я все время бежал, я опаздывал.

Троллейбусы приходили не в то время или были слишком заполнены, я не мог в них влезть и приходилось ждать следующего. Благо было много, они шли друг за дружкой. Потом еще нужно было добежать от троллейбуса.

Все это я очень хорошо помню. И помню свой стыд, когда я опаздывал. И помню свою злость, что надо все время приходить вовремя.

Но обидно заключалось в том, что, приходя вовремя, я не получал никакого в этом смысле удовлетворения и смысла. Не было в этом. Потому что все равно, придя на работу, я оказывался в таком каком-то вакууме.

Не всегда было работы. Иногда нечего было делать. Но иногда я просто помогал девочкам что-нибудь сделать.

Иногда просто сидел и занимался какими-то своими делами, в том числе готовился к экзамену. И вот эта режимная работа, она много отнимает смысла. Потому что очень часто в режимной работе, кроме режима, ничего нет.

Я знаю, многие мои друзья работали на заводах, на режимных заводах, где не начальник смотрит за твоим временем, когда ты пришел по часам, а просто электронный пропуск, он отмечается и в твоём трудовом листе, там все эти опоздания с точностью до секунды отмечены. А при всем при этом, они сидят в цехах и решают всю долгу. Да, ну это определенные были десятилетия производства.

Эпохи, так сказать, такой трудной, когда просто работа не была. Но это и было, и в другие эпохи практически просто.

[Говорящий 2]

– Кстати, Андрей, я прошу прощения, у вас, видимо, микрофон на столе лежит или еще где-то, и какие-то царапания слышны.

[Говорящий 1]

– Вот он, наверное, он задевает мою бороду.

[Говорящий 2]

– Нет, а постучите по нему, пожалуйста. Нет, это другой микрофон работает сейчас, видимо, в компьютере, и шевелится стол, в смысле, что-то

шевелится по столу и создает шум. Он не критичный, но в записи будет мешать.

Я прошу прощения.

[Говорящий 1]

– Может быть, я это стучал по столу, чего-то такое?

[Говорящий 2]

– Может, ангелы просто пытались зайти. Какой-то шум был, но что-то шевеление.

[Говорящий 1]

– Сейчас есть в микрофоне звук?

[Говорящий 2]

– Нет, звук идет с другого микрофона, не с этого. Вот не с этого. Видимо, если вы с ноутбука, то или с телефона, то с микрофона ноутбука или с телефона.

У вас очень хорошо слышно. – Хорошо, я могу продолжать? – Да, просто не трогайте стол, если можно.

Спасибо большое, извините. – Хорошо.

[Говорящий 1]

Итак, первое неудобство, первая психологическая проблема работы по найму – это работа по режиму. И проблема заключается не в том, что режим не нужен. Он нужен, конечно, но иногда этот режим становится самоцелью, тогда как забывается смысловая сторона работы.

Я точно знаю, и как психолог, и как сам работающий, что как только работающий теряет смысл того, что он делает, работа становится неэффективной, и самому ему уже работать не хочется, он мотивацию к работе теряет. Вот это первый вывод, который бы я сегодня хотел сделать. Теперь дальше.

Что такое работа по найму? Это означает, что есть человек, который владелец, управляющий какого-то производства, какого-то цеха, какого-то отдела, лаборатории и так далее, который меня нанимает и который мне говорит, ты будешь получать зарплату, а я буду тебе говорить, что тебе нужно делать, и ты будешь исполнять инструкции и приказы мои. Я

говорю, хорошо, я буду приходить с 9 до 6, буду работать, буду исполнять ваши приказы, а вы будете мне обязательно вовремя платить зарплату.

Мы договариваемся и дальше работа идет. Но что происходит при этом? При этом происходит, что некий человек, он является нанимателем, он нанимает меня, он знает зачем, ему нужен продукт конечный, он знает как его добыть, ему нужен исполнитель.

Он является носителем смысла, он является носителем замысла, он знает зачем нужна эта гайка или зачем необходимо вот эти три часа смотреть монитор или когда нужно сдать баланс, он знает, не я исполнитель, а он знает. А моя задача исполнить его замысел. Таким образом, работник, я наемный работник, замысла не имею, замысел имеет мой начальник.

Он носитель смысла, а я исполнитель, у меня смысла нет. То есть он мне говорит, нужно копать, вот столько-то нужно копать, допустим, по времени с утра и до обеда, потом я тебе дам другое задание. И я копаю, но я не знаю зачем это нужно, он знает, а я не знаю.

То есть смысл моего труда у меня отнят по договору найма. Я не обладатель своего труда, смысла своего труда, я обладатель исполнения. Моя задача исполнить, его задача решать нужно, не нужно.

Этот вопрос много раз обсуждался, много сатиры на этот счет выпущено, как люди работают. В одном из фильме Иосилиане, кажется про Сицилию, не про Сицилию, а про город, который на воде с каналами, забыл как он. Венеция.

Венеция, да, спасибо. Вот там как раз рабочие переносят разные детали из одного конца цеха во двор, потом из другой. Вот это бессмысленная работа.

И бессмысленная она, прежде всего, для рабочих, потому что мастер или начальник производства, он знает зачем, у него есть смысл и для него эта работа осмысленная, а для исполнителя эта работа неосмысленная. А иногда рабочий говорит, я знаю зачем это делать, но лучше это делать не так, а вот так, мне это виднее, как исполнителю. На что мастер говорит, твое дело исполнять, ты не знаешь, ты не понимаешь, ты только подчиняйся.

То есть происходит некоторое расщепление смысла работы и исполнителя работы, и тогда тот, кто работает, он уже не работник, он просто раб. Раб никогда не может быть успешен с точки зрения успешности самого труда.

Раб выполняет действие, раб выполняет операцию, он решает некую задачу, например, ему задали скопать грядку, и вот он вскапывает эту грядку.

Предположим, ему даже сказали, как на эту грядку вскопать, на какую глубину, какой ширины, предположим, так и есть, но для него это исполнение задачи. Если этот человек, который копает грядку, раб, если он не заинтересован в том, чтобы на этой грядке выросла картошка, или чтобы на этой грядке выросли клубника или еще что-то, и он даже не думает о том, какова технология вот этого сельского процесса, а его задача только совершить операцию, то тогда у него нету мотивации и нету смысла этой работы. У него это просто исполнение, монотонного исполнения мышечной работы, копания, собирания сена какой-то фигурки, и это опять решает эту работу всякого смысла, всякого желания, и это отчуждение смысла работы от самой работы.

Такая работа становится бессмысленной, и она не может быть успешна, и она не может приносить тот плод, тот результат, который приносит работа владельца смысла. Крестьянин, который работает сам на себя, и он знает, как ему нужно, какое сено ему нужно, в какой кондиции ему сухость из сена собрать, в какой момент, и какое сено вот с этого лужка, какое сено с другого лужка, он будет это собирать до каждой травиночки, потому что он знает, что зимой его коровке и его овечкам это сено пойдет, и молочко будет, и шерсть будет, и он видит, для него важно не просто исполнение физического действия, он его видит. Таким образом, антитезой труду наемному выступает труд собственным. Крестьянин- единоличник, он в этом смысле является творческим элементом, он носитель смысла, он носитель работы, он носитель и результата.

И это делает его заинтересованным. Заинтересованным в том, чтобы сама работа приносила ему удовольствие, потому что он видит в каждом элементе, в каждом движении этой работы, он видит для себя смысл, а смысл всегда имеет некую красоту. Так что второй вывод заключается в том, что работник, он не может быть бессмысленным.

Всякое обесмысливание инструкции, должности исполнителя это лишение самого процесса успеха. Если речь идет о работодателях, ну например, если это управляющий каким-то производственным бизнесом, то его задача, я говорю сейчас про современные условия, я не говорю уже про крестьянский труд прошлого или позапрошлого века. В современных условиях его задача прежде всего своих исполнителей не просто мотивировать, а их необходимо сделать соучастниками самого замысла труда.

Иначе в современных условиях невозможно выиграть в конкурентной борьбе, если речь идет о производстве чего-нибудь. Подводитель, что такое мотивация? Мотивация это прежде всего радость работы, а радость работы отражается сразу же и на качестве, и на результате, на успехе, на достижении успеха.

Мне рассказывал один инженер, который работал в космической отрасли, как эта работа совершалась в 80-е и 70-е годы, с какой радостью и с каким интересом люди работали. Работали ради той идеи, на которой они работали, действия покорения космоса, определенных успехов инженерных, научных и человеческих успехов в космосе. И качество было совершенно иным, и смысл был совершенно иным.

Но в какой-то момент все это сломалось и люди потеряли, потеряли мотивацию, потеряли интерес, сам смысл разрушился, сам смысл. И не просто смысл вот отдельного узла, деталей, ракеты, а разрушился смысл труда. Когда это так произошло, что смысл труда рухнул, я думаю, что для этого было несколько условий, цивилизационных условий.

Первое условие разрушения смысла труда заключалось в том, что смысл труда стал оцениваться исключительно деньгами. То есть единственным выражением эффективности, успешности труда и производительности труда была денежная форма. Деньги хорошие инструменты, но надо понимать, что есть вещи, которые деньгами не измеряются, так же как и успешностью деньгами не измеряются.

Вопрос, например, очень важный, это касается людей, которые работают, потому что все люди уникальны. И в каждой бригаде, у конвейера или в каком-то производстве таком локальном всегда очень важно, кто как что делает. Мне посчастливилось, я в юности своей работал с уникальными специалистами, с лесарем, токарем, кузнецом, молотобойцем даже.

Казалось бы, чего проще, молотобойцем. И то это тоже искусство. Я видел, как эти люди умеют любить свою работу и видят в своей работе какой-то смысл.

Но я видел, как это все обесценивается, если подход к этому только из-за денег. Когда рабочему говорят, да ты не делай это, тебе все равно заплатят, или давай мы тебе вдвоене заплатим, только ты этого не делай. Или там ты делай это, как тебе скажут, да какая тебе разница, как это будет сделано, это все равно никому не нужно.

Как только рабочий слышит, что это никому не нужно, он делать перестает, вообще перестает. И понимаете, что это такое? Если это зарплата за неумный, не творческий труд, она труд разрушает.

Труд становится просто-напросто имитацией. И вот эта имитация труда, она порождает сам по себе очень много лжи. Потому что человек говорит, я хочу устроиться на работу.

Нет, неправда. Он просто хочет получать зарплату. Я иду сегодня на работу.

Неправда, он не на работу идет. Он идет просто отсидеть свое время на работе и потом получить зарплату. Я отработал там 40 лет, а мне полагается пенсия.

Неправда. Человек не работал, он отсидел свое в какой-нибудь синякуре и просто заработал эту пенсию. Я очень много встречал таких людей.

Мне очень жалко, потому что это люди, которые потеряли себя, потеряли смысл труда. Второе условие потери смысла труда, это совершение огромного количества труда, бессмысленного труда. Например, там копать, выкапывать, переносить вещи, заносить, возить или просто-напросто ничего не делать.

Третье условие для бессмысленного труда, это когда результаты труда пропадают под дождем, под морозом, гниют, ржавеют, не используются или просто-напросто хранятся десятилетиями на складах. Человек не может бессмысленно работать, чтобы его детали, его станки, его машины просто стояли, ржавели. Не может.

У него сердце кровью обливается или он черствеет и больше работать не будет. Еще одно условие бессмысленного труда, это лживые цифры. Если рабочий работает ради плана, а не ради качества работы, то в конце концов он стремится просто к количественным показателям, количественным, а не к труду.

Таким образом, вот всякое приписывание количества или наоборот умаление количества или всякие разные составления отчетов, оно убивает сам труд, потому что труд становится здесь неважным. Важным становится бумажная имитация труда. Там, где это происходит, люди теряют способность работать.

Еще одно условие потери труда, это представление о том, что труд это проклятие. Тут важно отметить, что это недалеко от библейского понимания труда. Ведь всем хорошо известно, что Господь наградил Адама проклятием, которое над всеми нами остается.

И воскресение Христова не отменяет этого проклятия. Мы все трудимся в поте лица своего, до кровавого пота. И земля порождает нам тернии волос.

То есть мы не получаем полностоцентный результат, продукт, успех, а мы много получаем очень труда, который нас уязвляет, который причиняет нам боли, яд, колючки и все прочее. То есть это, вообще-то говоря, вот наше проклятие. Но речь тут о другом.

О том, что труд, работа это проклятие раба. Но ведь не всякий труд есть рабство. А вот объявление любого труда рабством, вот это привело к тому, что труд перестал быть честью, труд перестал быть удовольствием, труд перестал быть творчеством.

Вот этот лозунг, который комедийный лозунг, где бы работать, лишь бы не работать, он убивает желание трудиться, он убивает желание вообще хоть как-то полноценно исполнять ту работу, которую тебе поручили. Сегодня мы часто слышим в американских фильмах дурацкую фразу «я делаю свою работу». Это, конечно, буквальный перевод, я понимаю, что это с английского языка так звучит, но по-русски звучит это очень грубо.

«Делать свою работу» это, ну, какая-то фраза бессмысленная, пустая. Потому что я могу трудиться, я могу делать что-то конкретное, например, я могу делать гайки, я могу заготавливать сен, я могу вытачивать болт и так далее. Но делать работу – это что-то такое вот типа масло-масло-масляное.

Но дело не в этом, а дело в том, что в американских фильмах мы слышим отголосок какого-то очень странного для нас чувства, что делать свою работу – это интересно, приятно и что это достоинство. Я это достоинство много встречал и сам всегда в этом достоинстве живу, но встречал также и противоположное – отрицание всякого достоинства труда. И мне очень жаль, потому что такой труд не приводит к успеху ни самого человека, ни работодателя, ни в целом нашего отечества, не приводит.

Но вот условия, о которых я говорю, вот мы имеем, так сказать, такое разложение труда. Труд превратился в посмешище, в проклятие, труд превратился в какую-то неудачу жизни. Если ты вынужден работать, трудиться, значит ты неудачник.

А удачник – это тот, кто ничего не делает, но получает деньги. Все перевернулось. То есть зарабатывает тот, кто и хорошо живет, тот, кто ничего не делает, а тот, кто чего-то делает и работает, трудится, тот ничего не получает.

Конечно, это ложная такая установка, это далеко не везде так. И даже те, кто получают большие дивиденды от своих предприятий и сами на них не работают, но они исполняют другие функции, очень важные экономические функции, они тоже делают, они тоже работают. Однако действительно огромное количество людей, которые получают доходы, огромные доходы, но не работают.

И вот это вот еще одно условие разложения труда. Но это во всем мире всегда так и было, что есть очень много людей, которые являются иждивенцами, как их называли в социалистическом отечестве, паразитами. Иждивенцы не в смысле инвалиды или члены семьи, малолетние дети, старики и так далее.

Нет. А люди, которые приспособиваются в жизни всегда так, чтобы не работать никак, но получать иногда даже больше, чем все остальные. Как же так происходит?

Происходит именно так, что люди находят возможность именно социальную нишу, социальные поступки инструменты, чтобы оказаться в таком социальном положении, в котором они будут получать неплохой доход, а иногда и очень большой доход, но при этом ничего не делать. Так было всегда. Но мера этого, доля этого нетруда, она в разных системах, в разных экономических ситуациях может быть разная.

И к сожалению, вот социализм, то перестроечный социализм в СССР был как раз такой системой, где доля вот этого паразитирующего нетруда была, на мой взгляд, максимально велика. Но и сегодня у нас его много. И сегодня есть целые классы, есть целые разряды людей, которые получают неплохие, неплохой доход, при том, что они практически не хотят ничего делать и ничего не делают.

В чем дело? Дело в том, что десятилетиями создавалась система, социальная система, причем и есть разные варианты в мире этих систем. Это называется социальное государство, которое порождает достаточно много возможностей для людей с такими вот паразитирующими желаниями.

И это, к сожалению, удастся. Можно ли наконец избавиться от этого всего и никогда больше такого не допустить? Нет, нельзя.

Я думаю, что можно вводить всякие разные законы, контролирующие комиссии, писать доносы друг на друга. Все это можно. Но все равно люди найдут способ, где вороваться лишь бы не работать.

К сожалению. Очень жаль, но вот оно так будет. Не знаю, всегда ли не всегда, но оно так будет.

Это, может быть, зло неизбывное. Но вот что наше избыточное зло в самих себе, это полюбить свой труд как творчество и творчество принять именно как труд. Вот это в наших силах.

Это мы можем. И я сегодня больше всего хочу об этом сказать. Почему именно сегодня?

Потому что мне очень нравится, что сегодня все больше и больше, особенно перед молодыми людьми, открываются возможности для высокотехнологического труда. Это может быть труд у компьютера, у мониторы, это может быть труд программиста, это может быть труд веб-дизайнера, это может быть труд создателей робототехники и так далее. Сегодня так много возможностей.

Но сегодня главный герой это не тот рабочий, который мог сварщик, высотник, как это в знаменитом фильме герой Олейникова «Высота», а это не тот герой, который больше бетона укладывает или там разрабатывает космическую ракету, как скажут или там ученые в Дубне, как в фильме «Девять дней одного года». А это сегодня молодой человек, который обладает такими тонкими технологиями, такими знаниями, такими талантами и наукой, что он может создавать сложнейшие системы робототехники, сложнейшие системы медицинской техники, научные, космические, электронные, чего только сегодня невозможно. Возможно практически все.

И я очень завидую молодому поколению, которое обладает такими возможностями. Причем эти возможности не связаны с какими-то гигантскими комбинатами, вложениями денег, которые делают просто в гараже, в кабинете у себя, в комнате совершенно уникальные новые вещи. Но главное другое.

Главное это в том, что труд сегодня стал искусством, творчеством. Труд настолько утончился до таких особых возможностей, которых, ну, конечно

же, не было раньше. И сегодняшние творцы новой цивилизации это кудесники и искусники.

Но я по-другому не могу их назвать. Они действительно совершают какие-то мистериальные ритуалы. Они создают из металла, пластика, стекловолокна и полупроводников, создают какие-то поразительные системы, которые работают и приносят человеку удивительную пользу.

И что еще? Очень важно, что сегодня труд превратился не просто в такое искусство, а вот искусство, которое может быть чрезвычайно эффективным с точки зрения своей стоимости. Дело, конечно, не только в том, сколько получают такие молодые люди, создавая новые аппараты, а дело в том, как цивилизация оценивает эти создания, оценивает их очень высоко.

И чем дальше, тем больше. То есть речь идет о том, что сегодня в мире, во всем мире, труд становится все более и более высокотехнологичным. И это почти уже искусство.

А искусство это творчество, а творчество это высота духа. Без духа, без духовного труда не бывает. Труд всегда одухотворен.

Человек вносит свой труд, свое изделие, свою эту самую гайку, он вносит туда не только свою душу, он вносит и что-то свыше. И вот это свыше, мне кажется, самым важным и самым главным, потому что это становится труд, духовной потребностью человека. Созидать, творить, реализовать себя.

Но, я вижу, накопились вопросы, я сейчас должен прочитать и ответить на эти вопросы, чтобы дальше потом продолжать наш семинар. Итак, по порядку. Мы вышли на очень важную тему присвоения результата труда.

Но ведь в реальности при разделении труда растет производительность. Как решить это противоречие? Это противоречие только в том случае, если сам труд для меня является ну некоторой такой технологической цепочкой.

Знаменитый эксперимент, который еще в начале 70-х годов проводили менеджеры фирмы Saab в Швеции. Они отказались от конвейера, от конвейерной сборки автомобиля. Они перешли к сборке от нуля до готового автомобиля, который выкатывали уже на собственном ходу бригады рабочих.

И они увидели, что при определенных условиях производительность труда этой бригады повысилась значительно. Но главное, уменьшились простои, уменьшились заболевания, уменьшились негативные отзывы рабочих. И те рабочие, которые оставались у конвейера, они чаще вступали в забастовки, те, которые работали бригадами, они в забастовках почти не участвовали.

То есть для них труд, к ним вернулся смысл труда. Они искали готовый автомобиль и производительность у них была выше, чем у конвейера, хотя да, автомобили собирался немного дольше. Но компания пошла на этот убыток, потому что, во-первых, она получила более высокопрофессиональные бригады, звенья и более высокое качество, что в автомобилестроении действительно стоит больших денег.

И там бригада отвечала за качество, и там каждый автомобиль имел именную ответственность. Кстати, вот про коллективную ответственность, может быть, еще придется поговорить. Поэтому разделение труда, во-первых, не всегда ведет к производительности, а иногда ведет и к потере качества.

И потом, понимаете, присвоение труда, это ведь не то, что я делаю только одну сторону какой-то задачи. Ну, например, мы рубим дрова. Я пилю, второй колет, третий носит.

Но мне приятно, что эти дрова запасаются на зиму, и зимой этот дом будет теплым. Отчуждений тогда не происходит. Если я изготавливаю какую-то резинку для самолета, и знаю, что эта резинка перелетит тысячу километров, и сборка самолета будет совершенно в другой области, то да, мне требуется, конечно, очень серьезное напряжение, мысли, чтобы понять, что эта резинка нужна, и что я этой резинкой какую-то там действительно делаю хорошее для тех людей, которые будут летать на этом самолете.

У меня была одна прихожанка, которая работала как раз на резиновом заводе. Они изготавливали очень важные детали. Они делали резиновые прокладки для подлодок.

И она мне сказала, да вы что, вы понимаете, что от нашего производства зависит жизнь ребят, которые на подлодке служат? Да мы там слезами обливаемся, если нам кто-нибудь рекламацию поставит, если нам только скажут, что наши прокладки протекли, мы же сразу представляем себе, что там ребята погибнуть могут, хотя они делают всего лишь одну прокладку. И они никогда не видели этих подводных лодок, и ребят, которые там служат, никогда не видели.

Для них это очень отчужденные вопросы, но оказывается это возможно, так сказать, консолидация смысла оказывается возможной. То же про творчество. Современная программа, тот же Zoom, это творчество тысячи людей, которые не знают общего смысла.

Мне видится здесь противоречия. Нет, но Zoom же ведь это инструмент. Инструментом можно пользоваться по-разному.

Кто-то Zoom пользуется для того, чтобы лекции читать, семинары, как мы с вами, а кто-то Zoom просто переговаривается, потому что ему удобно вместо скайпа или телефона, они просто по нему разговаривают. А смысл действия здесь, в Zoom, это смысл нашего с вами общения. И в этом смысле те, кто создавал эту программу, их смысл именно в том, что мы ею пользуемся.

И мы пользуемся с удовольствием, и я пользуюсь с удовольствием, мне нравится, как работает Zoom. Поэтому я не вижу здесь противоречия.

[Говорящий 2]

Здесь, отец Андрей, я имел в виду, что создатели Zoom создают тысячи человек, даже больше. Они пишут код, тестируют и так далее. Я просто неоднократно замечал, когда смысл теряется.

Есть целые народы, где смысл теряется и людей требуется в 10 раз больше для написания того же продукта типа Zoom.

[Говорящий 1]

Да, конечно, таких ситуаций создается в высокотехнологических цепочках производства много. Разумеется, много. Взять то же самое космическое отрасли, там десятки тысяч работают.

Естественно. Но если этим людям доступна общая идея, если их никто этой идеей не лишает, а не говорят им просто, вот вы отштампуете эту пластмассовую штучку и вам все равно, куда она будет приделана, ваше дело отштамповать и все, и забудьте про это. Вот тогда люди теряют смысл.

Но когда они знают, что это пластмассовая перегородка, ячейка, что она будет стоять на корабле, который полетит в космос, и там люди будут ей пользоваться совершенно другого. То есть смысл — это наше общечеловеческое достоиние. Его нельзя лишать никого никогда.

Никогда никакому рабочему, ни инженеру, ни управленцу невозможно утратить связь со смыслом. Как только эта связь теряется, все ломается, ракеты не летают. Соглашусь, что нужна мотивация, общая цель.

Но ведь это уже идеология, а это очень хрупкая вещь. Ломается. Как перестроить цель, не ломая завод?

Да, это сложная задача. Построить идеологию — это сложная задача. Но, понимаете, если ее делают партийные функционеры или милиционеры или чекисты, то, конечно же, этот завод работать не будет.

Ведь понимаете, в чем беда? Коль пироги петъ будет сапожник, то вы их есть не сможете. А сапоги, которые сточал вам пирожник, не сможете в них ходить.

Поэтому давайте идеологию будут делать те, кто это делать умеет. И замысел, и технологическую карту создавать будут люди высокопрофессиональные, а не команда офисных менеджеров.

[Говорящий 2]

Обидно было про офисных менеджеров.

[Говорящий 1]

Ну и пожалуйста, пожалуйста, потому что офисный менеджер занимается своим трудом, а вот производство идеологии для сложных производств не они изготавливают. Понимаете, я сталкивался с такими вещами, например, когда реставрация храма делается реставраторами, профессиональными архитекторами, а потом это все приносится чиновнику, и чиновник исправляет работу архитекторов. И он говорит, нет, ну зачем вот эти здесь все вот эти финтиплюшки, давайте сделаем попроще.

Но он право подписать, он право решать, он решает, а не специалисты. Ну и что из этого выйдет? Выйдет то, что мы вот с вами видим.

[Говорящий 2]

Можно буквально одну штучку мне вот идею в голову пришлось. Здесь, наверное, меримая как раз ответственность того, кто принимает решение, ставит подписи и так далее. То есть, если это чиновник, у которого нет ответственности, то, наверное, да.

[Говорящий 1]

Чиновник вообще не должен принимать решений. У чиновника другая задача. У него задача, чтобы бумаги были правильно оформлены.

Все, точка. Решения должны принимать профессионалы.

[Говорящий 2]

Вот вы сейчас лишили чиновника смысла работы.

[Говорящий 1]

Конечно, конечно, потому что его работа техническая. Это тех системах, где чиновник принимает решение, все ломается. Потому что решение должны принимать специалисты.

Чиновник только должен обеспечить, чтобы у него были бумажки ровно сложены и чтобы он быстренько поставил печать на тот документ, который принес ему инженер или ученый. Чиновник функция подчиненная. В той системе, где все перевернуто, где чиновник из подчиненной фигуры становится начальствующей фигурой, все ломается.

Вот вам, пожалуйста, вот это вот сено и вот этот начальник. Если он будет принимать решение, сено либо сгниет, либо оно его разнесет ветром сухое. Понимаете, вот работник, он сам знает, какой сено.

Не надо ему чиновника. Не надо. Представьте себе, 1956 год.

Смотрим. История КПСС. Был такой сборник огромный, многотонный.

История КПСС в постановлениях, съездах, конференции и заседаниях Политбюро. Я открываю тот том. Я когда-то занимался этим делом.

И читаю. Постановление Политбюро ЦК КПСС всего советского государства, огромного, одна шестая часть суши. О том, сколько раз поливать картошку в этом году.

Вот он принимал решение, поэтому все сгнило. И мы сидели без картошки, покупали польску. Народ голодал.

Все ломается. Поэтому, да, чиновник должен всего лишь выполнять свою функцию. Он держатель печати.

Он держатель документов. Он их должен в папочке поставить и аккуратно беречь. Марина спрашивает, есть ли работодатель нанимает работника специалиста на работу, в которой сам некомпетентен, он делает работник со участником труда?

Нет, он не делает. Потому что, если он некомпетентен, то он не может нанять специалиста. Он же не знает, кто такой специалист, как он выглядит и как его протестировать.

Как ему найти хорошего специалиста. Некомпетентный работодатель, он все будет у него некомпетентным. поэтому нет, там тупик, там будет имитация.

Удачный пример сочетания творчества и работы технически выполнить самим автором, только левша подковавший блоков. Ну, образ не очень подходящий, там все очень как раз, очень все на авось. Исполнитель, руководитель в других случаях разделяются и проблемы, поставки задач, организации процесса, контроль качества остается открытым.

Понимаете, если организация производства, организация технологии делается некомпетентными инженерами, методистами, технологами, то тогда все работать не будет. А система, построенная человеком, который понимает все, будет работать как часы, причем будет долго работать как часы после того, как этот руководитель уже забудет контролировать процесс. Отладка механизма управления и отладка механизма взаимодействия — сложнейший вопрос экономики, любого производства, даже любого управления.

Сложнейший, поэтому это зависит от профессионализма тех, кто этим занимается. Как бы сместить умение договариваться и о целях и процессе исполнения с качественным пусковым продуктом. Ну, смотрите, во-первых, есть понятие проект.

Проектирование — очень интересное творчество и очень непростое. В проектировании нужно учиться. Во-вторых, проектирование на разных ступенях осуществляется.

От эскизного проектирования до разработки конкретных разработок. И все это математика, это наука. Здесь нельзя подходить опять же с какими-то идеологическими мерками пятилетку в три года.

Здесь все делается по плану, это математика. Проектирование, разработка и составление конкретной технологической карты — это все очень серьезная работа, и ее нельзя делать на коленке. Все, что сделано на коленке, на коленке и работа будет.

Марина спрашивает предыдущему моему вопросу. Например, о бухгалтере. Работодатель некомпетентен в учете, но ему нужен учет, поэтому он нанимает бухгалтер.

Вот, понимаете, любая некомпетентность оборачивается потерями, а иногда и судами. Если работодатель некомпетентен в учете, любой бухгалтер его обманет и подведет статью. И работодателя посадят, потому что он не будет знать, что у него в документах.

Поэтому вот некомпетентность в ведении бухгалтерии может обернуться большой бедой. Вот так. Ну, невозможно.

Вообще труд не знает некомпетентности, невозможно это делать. По учету, если будет любопытно, расскажу. Да, я тоже вам много чего могу рассказать.

Я же много работаю в своей жизни, работал и много в разных сферах. Знаю, как воровали, как в торговле воруют. Я в торговле тоже поработал года два.

Тоже знаю всю эту несложную механику, примитивную механику. Как это в советские годы было, как это сейчас, как это может быть, как не должно быть. Все это я знаю.

Но беда заключается в том, что это все унижение труда. Воровство, обман, имитация. Это все унижение труда.

А я хочу сегодня как бы такой гимн труду пропить. Понимаете, мне очень нравится трудиться. Мне очень нравятся люди, которые делают это с увлечением.

Я смотрю на крестьян, как они работают. Сегодня еще есть такие люди. Они любят землю.

Они настолько тонко знают каждое растение, его потребности. Они знают сорта. Они знают, какой, где посадить.

Как они любят о них заботиться. То же самое с животными, с теми же самыми там курицами, с поросятами. Я люблюсь, как они работают.

Это тяжелый труд, но главное все-таки в крестьянском труде не тяжесть. Главное в крестьянском труде это любовь к своему труду. Крестьянин не знает ни дня, ни покоя.

У него режима нет. Он не потому рано встает, что надо все успеть сделать. Вовсе нет.

Он рано встает, чтобы по холодку сделать тяжелую работу, потому что по жаре делать тяжело. А он потом в нем спит. Чего рабочий себе, кстати, позволить не может.

Вот это еще принципиальное отличие пролетария от крестьянина. Крестьянин в нем отдыхает, он спит. И вообще крестьянин сам себя определяет режим.

В этом смысле он свободный труженик. Крестьянин свободный труженик, а пролетарий нет. Это по поводу режима труда.

Но главное любовь. Любовь не просто к успеху, а любовь к эстетике труда. Вот еще одна вещь, о которой не говорили.

Красота труда. Я сейчас расскажу, что это такое, как я это представляю себе. Только вот Николай задает вопрос.

У меня сложилось впечатление, что книги про ценности и радость труда читают те, кто вынужден работать не там, где в действительности хотел бы. Если ты трудишься по призванию, для тебя и так ясно, что труд это здорово и кайфово. Хотя и бывает трудно.

Вы согласны ли? Конечно согласен. Конечно Николай согласен.

Но иногда тем, кто трудится и работает кайфово, им важно, что их понимают. Им важно, что кто-то догадывается. Ведь понимаете, у нас в нашем обществе труд очень унижен.

Трудиться это как будто бы быть дураком, быть лузером. И когда люди говорят, а мне нравится трудиться, над ним посмеются. Не очень интересно это, особенно в женском обществе.

В женском обществе про труд говорить как-то неприлично. Там кто-нибудь другой про детей или про кошек. Это мужская такая тема.

И люди стесняются, мужчины стесняются говорить о том, как они любят свой труд, как они любят свою профессию, как им нравится вытачивать гайки, как им нравится создавать новые производственные линии. У меня

сосед есть, который инженер станкостроительной отрасли. Он в ней работает уже много, ну лет 50 наверное.

Ему уже 80. Причем он был главным инженером завода, крупнейшего завода московского. Он знает все станкостроительные заводы Советского Союза, везде бывал, везде налаживал эти линии.

Он до сих пор любит свою работу. Он так рассказывает мне про эти линии, про эти станки, про автоматы, про металлы. Ну во сколько я сам начинал с лесарем, я чуть-чуть понимаю, о чем он говорит.

Мне интересно, я люблюсь, как у него горят глаза, когда он об этих заводах рассказывает. А многие заводы уже распроданы, а многие заводы уже ничего не производят из того, что они производили раньше. Ему горько.

Он принимает до сих пор экзамены молодежи и молодежь инженера, выпускные экзамены, выпускные проекты. И он говорит, ну он же не понимает, о чем говорит. Как он будет работать?

Я говорю, он не будет работать. Он только корочку получит от тебя и все. Он говорит, да, ты понимаешь, но это же невозможно.

Что же это такое? Вот что обидно, Николай, понимаете? Это ужасно.

Потому что труд это прекрасно, а люди, которые не просто лишены этого труда, а они даже не догадываются, что труд это может быть кайфово, как вы говорите. Какова роль рынка в придании труду смысла? У нас в институте была одна пара супруги, которые, я думаю, и сейчас работают в сфере подбора топ-персонала, то есть высшего состава компании, высшего топ-менеджмента.

Вот. И они рассказывали мне, как им работает, с какими фирмами они работают, с какими запросами, с государственными, с частными, с компаниями. И он говорит, что на этом уровне, на котором они работают, один из первых критериев, по которому они отбраковывают кандидатуры, это люди, которым не интересно работать, для которых тот сектор управления, в который их приглашают, он им не очень интересен.

Он говорит, понять это можно буквально за первые пять минут. Приходит кандидат и видно сразу, что он специалист, он очень хороший, у него хорошее там резюме, все у него замечательно и рекомендации у него есть, но у него нет мотивации, ему неинтересно все это. Он в основном по зарплате думает.

Он говорит, что такое рынок высшего топ-менеджмент состава? Он говорит, это рынок, на котором всегда есть недостаток, где предложение всегда отстает от спроса, то есть высшие позиции в этом поиске, они всегда, их всегда не хватает. То есть не хватает людей, которые хотят всерьез с интересом работать, а запрос на таких специалистов всегда высок.

И в этом смысле рынок, он другой совсем. Рынок, как бы нижний сегмент, он обладает этими особенностями, высший сегмент другими особенностями. И ведь мне что интересно в этом, мне как священнику-психологу, что там совершенно иная психология подбора кадров.

Там подбирают человека все-таки по большей части не по квалификации, которая очень высокая почти у всех кандидатов. Там подбирают по психическим и по духовным качествам, в том числе и жизнестойкость, и в том числе жизнелюбие. Потому что на этом уровне от человека зависит гораздо больше, чем на нижнем уровне управления.

Мне кажется, что вы не затронули важную тему мотивации. Это статус. Есть огромные системы, где основа, мотив для получения статуса, возможность унижать незастоящих.

Это глобальный дедакт. Эти системы работают достаточно эффективно. Как быть с этим?

Это один конкретный глобальный банк. Минимум два мировых аудитора. Вот это я не понял.

[Говорящий 2]

Я имел ввиду, что просто это конкретные организации, которых я знаю, они не абстрактные. Я понял, да.

[Говорящий 1]

Конечно, существуют такие организации, но, понимаете, использовать вот это стремление к статусу, то есть власти, использовать это для отбора, для роста, для воспитания, для мотивации своих служащих можно. Только в том случае, если главная задача управления здесь заключается в том, чтобы эту систему сплотить и сделать ее работающей системой без относительных результатов. Если вам важен результат, если вам важно, чтобы вся эта система выдавала что-то новое, новый проект, новую ракету,

новый самолет, или новый самокат, или новую детскую игрушку, это не будет работать.

Вот смотрите, есть очень простая вещь, которая показывает это. Например, вам нужно написать новую программу. Программу контроля электронных пропусков города Москвы.

И вы обращаетесь в какую-то конкретную фирму, которая на рынке есть, и вот они говорят, да, мы сделаем программу за миллион рублей и напишем ее там в течение недели. Все, она будет отлично работать, все хорошо. Они приступают контролировать, но они прекрасно понимают, что заказчику важно контролировать, причем контролировать очень, так сказать, просто.

Вот человек попался, раз все там, значит минус. Человек не попался, ну, значит, в общем, какая разница, что там в камеру попадет. Ну, так они так и сделают эту программу, так она и будет работать, она будет работать, ну, вот так же, вот, черное-белое.

Что-то в камере там шевелится, значит, регистрируем. Что-то в камере нет, шевелится, не регистрируется. Ну, а какая нам разница, в общем.

Понимаете, да, мотивация здесь такая, чтобы вот, это не имитация, это производство, это реальное создание реального продукта, работающего продукта, но смысл здесь утрачен, здесь смысла нет. Поэтому там, где мы говорим о, а сегодня таких становится все больше и больше, где производство ориентировано на создание совершенно новых вещей, новых идей, новых решений, оригинальных решений, а это же ведь мировая конкуренция, конкуренция в робототехнике, конкуренция в программировании, конкуренция во всяких IT-технологиях и так далее. Там вот эта вот система статусов не пойдет, потому что, понимаете, в чем дело, сегодня новые технологии создаются мальчишками, статусов у них нет.

Однажды я разговаривал с человеком, с которым до сих пор дружу, он работал тогда в одном из передовых, одним из самых таких прогрессивных институтов Академии наук, занимался лазерами. Вот, и он сказал такую, рассказал такую вещь, он говорит, что, понимаете, вот там все доктора, профессора, которые сидят там за лабораториями зав.отдельной, они же ничего не производят. Они сидят там потому, что они в молодости своей до 30-ти создали что-то, а потом они стали получать за это статусы и гонорары.

А делают те, кто еще этого не получили, молодежь. Поэтому статусы статусами, а вот создание чего-то нового идет в другой плоскости, в другом пространстве, другой реальности. Вот я об этом.

Про баланс семья-работа было уже что-нибудь? Если нет, то каковы ваши ключевые тезисы на этот счет? Николай, баланс семья-работа, это все зависит от того, о ком мы говорим.

Если мы говорим о мужчине, это одно, если о женщине, это другое. Я категорически против гендерного равенства, считаю, что это социально невозможная задача, считаю, что гендерное равенство это социальный миф, который не имеет отношения к реальности. Поэтому семья-работа баланс для мужчины один, для женщины другой.

Если мы говорим о таком творчестве, предельном творчестве, то да, в таком сценарии семья вписывается плохо. И очень часто люди, которые жертвуют семьей достигают в работе высот, больших высот, чем те, которые стараются этот баланс соблюсти и позаботиться о семье, и обеспечить семью, и решать проблемы семьи в первую очередь, а не работой. Кстати, я вот тоже всю свою жизнь исходил из баланса семьи и пользу семьи, чем работой.

Я не жалею об этом, но я просто понимаю, что я принес в жертву. Так что у этого баланса такого хорошего решения может быть, но я думаю, что это уникальные случаи. В основном, человек перекручивается в жертву тем, для тем.

Что касается женщины, то здесь еще более трагичное нарушение этого баланса, но современные технологии, современное производство, современные особенно компьютерные образы, удаленная работа дают женщине возможность какую-то часть своей жизни посвятить семье, воспитанию детей и потом вернуться в профессию и выстроить свою карьеру после того, как дети уже уходят в свою жизнь. Такая возможность у женщины есть, но равенства здесь нет. То есть баланс это хорошо, красиво, но редко.

Про статус очень мудро. Со статусом это про вписывание и эксплуатацию уже созданного. Ну, может быть и не всегда уже созданного, но просто это там, где...

То есть да, эта мотивация работает, но это, кстати говоря, вот эта мотивация статусная или денежная или властная мотивация, она очень хорошо работает там, где вообще как бы ставка делается на конкуренцию.

А там, где ставка делается на производство, на создание чего-то нового, там не будет работать. Ну вот возьмите армию.

В армии есть правила, правила прописанные, получение новой должности, нового звания, нового места служения и так далее. Не знаю, я не служил в советской армии, не знаю, насколько там это все точно работает, но думаю, что в какой-то степени большая часть чинов, званий и должностей соответствует вот некоторой, так сказать, вот этой вот лестнице роста. Я так думаю, я не знаю.

Но причем при этом многие вот эти повышения чинов, званий и должности совершаются в результате откровенной интрижной борьбы, борьбы конкурентной, борьбы нечистоплотной, подкупа и, ну может быть даже и более худших провокаций. Но в всяком случае вот именно армейская система, это и есть система мотивации статусами, потому что каждый младший офицер, он ждет своего срока, когда его повысят, он на это рассчитывает, он на это надеется и как только повышает, он сразу становится другим человеком. И в зависимости от получения новой звездочки, он становится новым баринном.

Если лейтенант не может себе ничего позволить, кроме как использовать рядовых каких-то своих небольших личных целей, но ему это не очень позволит, может быть, старший начальник, то уже майор, а если это должность командира части, то это вообще барин, кум корлю. Он уже может использовать всех как угодно и склад в его пользу, и столовая в его пользу, и солдаты в его пользу и так далее. А если это генерал, если это командир дивизии, то тогда у него на даче, которую строят солдаты, копают грядки солдаты, возит его армейский водитель за счет армии и все такое прочее.

Вот вам статусность, вот вам. Но это армия, что она производит? Ничего не производит, она только поедает.

Но это армия, с нее и спрос не такой. А если, скажем, вы хотите построить ракету, которая полетит на Марс, и вы действительно хотите не бюджет распилить, а построить ракету, которая полетит на Марс и будет безопасна для космонавтов, то тогда вам придется использовать совершенно другие правила и конструкции. Это мой ответ по поводу статусов.

По поводу хобби, Николай спрашивает. Один человек сказал, что хобби – это удел тех, кому не повезло реализоваться в профессии, а лучше и в норме. Интереснее даже в свободное время вложить в профессиональное развитие.

И да, и нет. Я могу согласиться с тем, что да, хобби – это удел тех, кому не повезло реализовать в профессии. Могу согласиться, что есть ситуации, когда у человека на работе ему как бы скучно, а вот хобби – его это так любимое детище.

И он вкладывает тут в свою душу. Я с этим соглашусь, потому что да, если человек полностью поглощен своей профессиональной задачей, у него уже ничего нет. У него все – и хобби, и времяпрепровождение, и отдых – все внутри профессии.

И это так. Но все-таки, я бы сказал, что место, ну я не люблю слово хобби, оно какое-то, не знаю, не нравится оно мне. Но не в этом дело.

Ведь у человека есть много очень разных дел. Домашних, социальных дел. Это хобби?

Не знаю, может быть, социальная работа какая-то домашняя. Например, дома что-нибудь строить или дома вращать клубнику или цветы. Это хобби?

Ну можно назвать хобби. Но для инженера и ученого вращивание цветов – это просто время, которое он поглощен своими мыслями. Он в это время обдумывает новую теорию.

Копая грядку или собирая сливы с дерева, он просто обдумывает. Он это время тратит на то, чтобы что-то производить. Умственно.

Занимая руки, глаза и тело, оно работает, а он в это время. Так же, как прогулка, так и сбор сливок, может быть. Хобби это?

Ну, можете назвать, да. Так что, есть разные. Поэтому я однозначно на этот вопрос ответить не могу.

Ну вот, вопросы пока все. Если у вас есть еще, пожалуйста, пишите. У нас еще время есть.

А я хотел немножко поговорить о красоте. Есть две вещи, которые в труде меня больше всего привыкают. Это красота и любовь.

Откуда рождается любовь к труду, если труд – это проклятие Бога? А потому что человек призван все в этом мире одухотворить, ословесить. Вот утром я выхожу, смотрю на рассвет.

Я смотрю, как солнечные лучи сначала карабкаются по макушкам деревьев, потом опускаются ниже, ниже, ниже. Сначала это золотистый цвет, можно сказать, такой красный, потом он становится все более светло-желтым, и потом наконец уже становится совершенно белесым, солнечным, когда солнце поднимается повыше. Что я вижу?

Я вижу лучи, звезды под названием солнца, которые находятся от нас на расстоянии... Николай, простите, если я скажу какую-нибудь глупость, 150 миллионов километров, я не помню точно, а сколько от земли до солнца. Мы видим верпушки различной флоры, покрывающие вот эти вот холмы, которые перед моим взором.

И что мы делаем с этими фактами, с этими наблюдениями, с этим восприятием психофизическим? Мы его поэтизируем, мы его идеализируем, мы используем слова, которые к физике распространения солнечных лучей не имеют никакого отношения. Я мог бы рассказать или определить движение солнечных лучей, движение Земли вокруг собственной оси, благодаря которому происходит то, что мы называем движением Солнца вокруг Земли, хотя на самом деле Земля вращается вокруг оси, то есть Солнце движется, но у нее свои орбиты есть для этого.

А могу поэтически описать восход Солнца ранним утром и движущийся луч, хотя никакого движения луча, конечно, в норме не существует. Есть поток фотонов или волновое явление. Понимаете, мы все поэтизируем, мы все преобразуем.

Вот так и труд. Ну что от того, что вот растет этот сорняк вдоль дороги, там, черт побери, здесь какой-то цикорий, тут какие-то лезет овсянка. Что мы делаем?

Скапываем, сажаем траву, стрижем, выравниваем, делаем лужайку прямую. Кому-то нравится не прямую, кто-то делает какой-то особый эскиз с камнем, с каким-то старым деревом, но все равно мы украшаем мир своим трудом. Украшаем, мы его делаем более красивым, у нас есть эстетика.

Труд работает на эстетизм, на красоту. Да, красота, понятие относительное. Кому-то нравятся английские парки, кому-то нравятся французские парки.

Английские более естественные, французские более регулярные, нарезанные, подстриженные, там и так далее. Известная история. Но и то, и другое люди делают ради красоты, своего представления красоты.

Эту природу преобразуют. Кто-то любит исключительно дикую природу. Согласен, в ней тоже есть поразительная красота.

Кому-то нравится исключительно дикая природа, он отправляется в лес, в горы, в пустыню, в тропики или на Северный полюс. Кому-то нравится природа творческая. Что мы делаем с этой природой?

Мы ее преобразуем. Вот это главный мотив, преобразование окружающего мира. Человек не может остаться в стране.

Не может, ему нужно этот мир преобразить. Что? Он только хочет из него получать продукт, деньги, молоко, камень, железо, руду, золото, нефть?

Нет, не только. Человек хочет преобразить этот мир, чтобы в этом мире ему нравилось жить. Он хочет преобразить этот мир, чтобы этот мир был красив.

Красив, ну вот с точки зрения сегодняшней моды и с точки зрения сегодняшнего вот этого ее исполнителя. И сам труд становится красотой. Ведь понимаете, мы все по-разному трудимся.

Один человек может косить успешно, эффективно, а другой может косить успешно, эффективно, еще и красиво. Вот действия его, они красивые, они органичные. Он как бы даже танцует.

Понимаете, вот вы когда смотрите на спортсменов, правда ведь спортсмены по-разному исполняют свою программу. Один с красотой, другой нет. Даже тяжелоатлеты.

Уж атлет это точно эстетично, очень. Я же говорю про художественную гимнастику. Но вот атлет, он же по-разному.

Так и кузнец, так же и скульптор, так же и художник. Он работает красиво или не очень. Эстетика в труде величайшее дело, очень важное дело.

И очень важно, чтобы это всегда присутствовало у нас в труде, во-первых. А во-вторых, чтобы мы могли научить тех, кого мы учим трудиться, то есть прежде всего своих детей, внуков, мы бы им показали труд, как он красив может быть. У меня, когда я начинал только трудиться, у меня был замечательный плотник, которого я очень любил и потом похоронил как алкоголика, к сожалению, очень рано.

Молодым он умер. Вот он научил меня эстетике труда. Я, кажется, уже об этом рассказывал.

Во-первых, он говорил, вот пойми, что у тебя должен быть инструмент. Инструмент, прежде всего, красивый, красиво сделанный, вот без заусенцев, чистый, аккуратный, не заляпанной краской, не заляпанной землей. Заточи, помой, подбери аккуратно, сложи так, чтобы тебе было приятно потом братья за него.

А не то, чтобы ты берешь топор, а он весь у тебя какой-то заляпанный и неудобный тебе. Подбери инструмент так, чтобы он правильно работал, хорошо работал, как надо. И всегда используй только тот инструмент, который для этой операции нужен.

Никогда не пытайся отверткой ковырять ржавчину, для этого есть другие инструменты. И никогда не пытайся в отверстие влезать напильником, потому что для этого есть другие инструменты и так далее. Вот он учил меня не только вот этому смысловому инструментализму, но еще чтобы это было красиво.

Он говорит, понимаешь, твоя постройка должна быть красивой. Вот мы строим с тобой сарай, но сарай тоже должен быть красивый. И красиво затесан, и красиво вырублен пас, и вот бревна должны быть красиво сложены в доме.

Вот этот угол, он должен быть красив. Иначе, я уже часто упоминал вот этот пример Ру Туполева, который создавал очередной военный самолет Шарашки. И он там сидел ночами над крылом, и его кто-то спросил, почему вот это крыло ты делаешь?

Он говорит, ты понимаешь, вот это крыло, которое вы предлагаете, оно некрасивое, оно не полетит. Вот труд должен быть красив. И второе – это любовь.

Ну, наверное, уже понятно, мне кажется, что если любовь – это преобразование мира, труд – преобразование мира, то это можно делать с любовью. Ведь Господь создал мир с любовью. И ему мир понравился, Богу.

Он сказал про каждый день творение – хорошо, хорошо, мне нравится. Вот этот процесс творения, созидания работы должен нравиться. Работа должна быть с любовью.

Там, где любви нет, бегите оттуда. Рано или поздно вам придется принимать решение бегством. Убегайте как можно раньше.

Я понимаю, бывают иногда условия, когда нет выбора. Я про них не говорил. Ну, и у меня тоже такое было.

Я должен был работать там, где платят деньги ради семьи, а не там, где мне нравилось, где мне хотелось. Но когда я мог выбирать, я выбирал то, что по мне, то, что для меня значено. Я выбирал то, что я могу делать с любовью.

И до сих пор так и работаю. Очень благодарен себе, что я на заре туманной юности позволил себе работать немножко на дядю, ну, за зарплату, так сказать. А потом очень быстро отказался от такого труда и стал работать на себя.

Но какое-то время, да, я тоже на это потратил. И я никого за это, поэтому не осуждаю. Но Мирилов, красота и любовь, я думаю, может пользоваться каждой, чего всем и желаю.

Я вижу, вопросов больше нет, и время наше подходит к концу, так что давайте завершать. Кто хочет что-то сказать? Может быть, Николай может быть.

[Говорящий 2]

Николай, да, хотел сказать пару слов.

[Говорящий 1]

Отлично, Николай.

[Говорящий 3]

Алло, здравствуйте, меня слышно?

[Говорящий 1]

Отлично.

[Говорящий 3]

К сожалению, у меня нет видео сегодня. Я попросился в эфир, потому что мне сложновато написано. Значит, смотрите, у меня есть такое ощущение, мне интересно, близко ли оно еще к кому-нибудь участникам.

Ну, и какое-то, может быть, и у Иоанна. И что с этим? Как бы можно было ощущение использовать на благо, а не во вред?

Значит, смотрите, я воспитан на научной фантастике России советской, и поэтому, когда ты делаешь, когда эти люди, трудящиеся, делают что-то великое и везут историю вперед, это достойно того, чтобы трудиться. Если же приходится, а, к сожалению, в жизни, как оказалось, чаще именно это приходится делать, просто менять свое время и свои профессиональные навыки на деньги, даже слово компенсация, на какую компенсацию вы рассчитываете? Кому-то я чему-то подал на работу, и мне компенсацию не выплачивать.

И вот это меня воодушевляет. Я уже подумал, что в капиталистическом мире нет ничего подобного. Но вы знаете, есть люди, люди двигают историю, компании SpaceX, их конкуренты и прочие.

И даже люди, которые работают в НКО, или люди, которые работают часто, каждый свое вдохновение находит. А все-таки, что бы мог сделать человек, или как долго можно притянуть в этом состоянии, неправильно давно уже бежать, который вынужден работать именно за компенсацией. То есть он не чувствует, что делает что-то важное, пусть маленькое, но важное, а может быть и большое, но важное.

Чаще всего это связано именно с конкретными такими вещами, когда люди организуют бизнес и позволяют перенаправить денежные потоки лучше, чем с плановой экономикой. А другие остальные меняют свои компетенции на деньги. Но при этом они всего лишь меняют это на деньги, они не делают ничего великого, потому что это компания, в которой ты работаешь, могут заниматься перепродажей чего-нибудь, даже на новом технологии.

[Говорящий 1]

Это только у всех такая проблема. И мне кажется, это нормально совершенно, что люди выбирают для себя не творчество, а такой труд, где происходит обмен времени или усилий на деньги. Я думаю, что очень многие люди так делают.

Вот торговли, я не думаю, что торговля это такой процесс обмена, потому что в торговле есть творчество. Если только... Понимаете, есть люди, которые любят торговать, а есть люди, которые не торговцы и не любят торговать, но идут туда, потому что надеются там больше заработать.

Вот это аж... Но! Смотрите, какой выигрыш личность получает от обмена времени и сил на деньги.

Он выходит с работы и больше не думает ни о чем. Он свободен от беспокойства, от ответственности. А крестьянин не может себе этого позволить.

Он даже отпуск себе, выходной не может сделать, потому что коровы доятся каждый день. И кормить надо поросят каждый день. И он не может не отлучиться от них никогда.

У него нет ни выходных, ни отпуска. Поэтому рабочий, который приходит на работу, работает на дядю за зарплату с 9 до 6, он уходит с работы и не думает про нее. Пошел в кино или пошел пить пиво или пошел к своей семье.

А крестьянин он все время думает о своем труде. Поэтому люди, которые работают и просто меняют на деньги свои усилия, свое время, имеют определенные психологические выгоды. И это может быть очень достаточно мотивирующим.

[Говорящий 4]

Спасибо. Пожалуйста, кто еще?

[Говорящий 2]

Ну, я хотел бы буквально в два слова сказать, что как-то вот проходило между строк, но явно не было названо, что в труде очень важно не фантазировать. Именно иметь четкий контакт с реальностью и понимать, честно, ради чего ты трудишься, время на деньги обмениваешь. Строишь ты храм или просто грядку копаешь.

Или делаешь красоту, или не делаешь красоту. Вот какой-то момент честности и опоры, тогда это действительно гибкости добавляет и спасает при изменении идеологии. И самое любопытное, здесь у меня как руководитель, я сейчас просто прокручивал свой опыт, прежде не понял, что часто я фантазировал о смысле работы своих сотрудников.

И здесь тоже важно не впадать в фантастику, потому что у них могут быть свои смыслы. Если я их вижу, то получается синергия сработничества. Если я их не вижу, то в лучшем случае симбиоз, взаимное паразитирование.

Я хотел отметить, что именно важно контактировать с реальностью, потому что все любые KPI, премии и так далее, они могут стать просто пшиком, если они не имеют значения, они не подтверждены смыслом и так далее.

[Говорящий 1]

Сегодня совсем не говорилось о том, что есть еще одна такая важная проблема труда. Это труд начальника или командира, труд власти. Но об этом поговорим как-нибудь в другой раз, потому что это тема большая, обширная и важная очень.

Не сегодня, сегодня у нас время закончилось. Да, Алексей, спасибо большое. Я действительно согласен, да, об этом не звучало, по поводу контакта с реальностью, по поводу реализма.

Ведь реальность это еще же контролер, контролер успешности моего труда и экологичности моего труда. Ну что ж, тогда, наверное, мы завершаем сегодняшний семинар, если больше нет желающих.

[Говорящий 2]

Ну, может кто-нибудь, коллеги, кто в зуме, может, хотелось бы услышать ваши пару слов, увидеть ваши глаза.

[Говорящий 1]

Фигурки теперь не углу, а теперь они посередине. Могу добавить еще того самого крестьянина с вилами. Вот.

[Говорящий 4]

Да, пожалуйста, может быть, кто-то о своем опыте хочет рассказать.

[Говорящий 1]

Ну что же, тогда позвольте откланяться. Спасибо всем, кто сегодня был с нами. Спасибо, Алексей, спасибо, Николай.

И всем, всем, всем слушателям, совопросникам, спасибо.

[Говорящий 2]

До встречи. Спасибо, Отец Андрей, очень глубоко и как-то очень одновременно и прагматично, и с другой стороны, именно не, как это сказать, не упрощая, вот, за что сегодня хочется сказать спасибо. Спасибо большое.